

Пахомов И

1984

МОСГОРСПРАВКА
 ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
 103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
15 ИЮН 1984
 МЕДИЦИНСКАЯ
 ГАЗЕТА
 г. Москва

— Кто вы, Юрий Пахомов! — Именно такой был мой первый к нему вопрос. — У вас две фамилии, два дома, две профессии...

— И всего одна жизнь, за которую многое хочу успеть, — подхватывает мой собеседник, полковник медицинской службы. — Еще вчера был в плавании, завтра снова в море. Корабль — мой второй дом, а может, даже первый. Такова служба. Прежде всего я военно-морской врач, эпидемиолог по фамилии Носов, а уж потом прозаик, член Союза писателей СССР Ю. Пахомов.

Как стал писателем? Обычная история болезни. Еще учась в Ленинграде, в Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, пописывал стихи. Потом, когда уже служил на Северном флоте, написал рассказ «Первый пациент». Его напечатали. После этого о медиках долго не писал. Я жил среди моряков, ребят крепких, наделенных завидным чувством юмора, и считал нужным писать об их мужестве, дружбе, искренности, добропорядочности. Люди не выбирают ни время, ни обстоятельства. Они в них живут и либо их меняют, либо поддаются, подчиняются им. Но как бы жизнь ни складывалась, человек всегда должен быть человеком. Мне интересно ставить своих героев в «переломные» ситуации, чтобы проследить их характер в динамике. Причем вовсе необязательно помещать персонаж в шлюпку посреди штормового океана.

— Почему врач стал писать о моряках, а не о медиках?

— Наверное, потому, что тогда не хватало еще врачебного опыта, медицинской практики. Я описывал то, что было ближе, что лучше знал. Поэтому первый мой сборник рассказов «Пятнадцатая скрипка» посвящен людям моря, хотя там и есть несколько новелл о медицине. Например, рас-

сказ «Шургин и Светка» о том, как третий штурман танкера «Конецбор» две недели пролежал в клинике челюстно-лицевой хирургии. Или, скажем, рассказ «Островная тоска». В нем затрагивается важная нравственная проблема: доктор Стародубов ловит себя на мысли, что видит «не больно-

РОСТА, сидел за соседним столом с Паустовским в газете «Гудок». Человек редких душевных качеств — он стал мне вместо отца. Наверное, сказала моя ранняя безотцовщина (политрук Носов погиб в первые же дни войны под Брестом, и нас с мамой приютили родственники).

ему, это розыгрыш. Однажды я уже давал свое согласие». Тогда в трубку пробасили: «Приезжайте срочно на студию. На этот раз все железно». И действительно, когда я приехал, договор уже был готов, не хватало на нем лишь моей подписи.

Потом состоялась первая

нет в рассказе, самая впечатляющая в картине. И нет в ней псевдопатетики, и не звучит она на фальшивой ноте, потому что Хуциев — мастер и создал сильную и трогательную в своей печали кинопритчу.

— Юрий Николаевич, только что в издательстве «Моло-

довал Римский-Корсаков, брат композитора, — превосходная маринистика. А история болезни, написанная великим клиницистом С. П. Боткинским, — тонкая психологическая проза.

Определенную роль в развитии «недуга» играет и география, «ареал обитания» будущего писателя. Морские врачи зачастую служат в местах весьма отдаленных и экзотических. Я ничуть не удивился, узнав, что знаменитый капитан Гулливер — медик, Луи Анри Буссенар — автор широко известных книг «Похитители бриллиантов», «Беглецы в Гвинее» — врач.

— И последний вопрос...

— Над чем я сейчас работаю? Только что сдал в издательство рукопись о действительном статском советнике Петре Алексеевиче Ильинском. Несколько слов об одном «мистическом» обстоятельстве, заставившем меня взяться за перо. Года два назад, работая в публичной библиотеке, случайно наткнулся на книгу «Дорогим товарищам посвящается». В ней я прочитал свою собственную биографию, только с разницей в 100 лет. Автор книги — П. А. Ильинский, выпускник Военно-медицинской академии, эпидемиолог, писатель, служил на Севере. Мы родились, женились, и даже дети наши появились в один и тот же год, только в разные столетия. И что меня больше всего поразило, это то, что он, как и я, родом из Средней Азии.

Есть еще две задумки: написать книгу об Африке, где я бывал много раз, и роман «Введенский канал» — о своей юности, товарищах по академии.

— С праздником вас, Юрий Николаевич. С Днем медицинского работника!

— И вас. И всех читателей «Медицинской газеты».

«Медицина — мое призвание, маринистика — любовь»

го, а... болезнь. Не жизнь его, не судьба волнует, а особенности патологии».

— А когда Носов стал Пахомовым?

— В начале 70-х годов я вернулся в Ленинград, чтобы продолжить учебу в академии на факультете усовершенствования врачей. Однажды принес в редакцию журнала «Звезда» новый рассказ. Назывался он «Случай с Акуловым» и был в какой-то мере автобиографичен. Прочитал его заведующий отделом прозы Александр Семенович Смолян и предложил мне войти в литературное объединение, которым он руководил. Многим обязан ему. Учитель не тот, кто учит составлять абзацы в рассказ (хотя-то этому он меня учил), а тот, кто учит жить. Смолян умел заразить доброжелательностью, умел радоваться чужой строке, чужой удаче. Он был колоритнейшей фигурой: это тот самый человек, который был секретарем у Короленко. Это тот самый человек, кто дал в Президиум ВЦИК телеграмму с просьбой сохранить наследие Циолковского. Он сотрудничал с Маяковским в Окнах

Как-то раз Смолян говорит мне: «Послушай, Юра, классик Николай Носов у нас есть? Есть. Замечательный деревенщик Евгений Носов есть? Есть. Ты будешь третьим. Советую взять псевдоним». Фамилия моей матери была Пахомова, на ней мы и остановились. Так появился писатель Ю. Пахомов.

— Только что на экранах страны прошел фильм Марлена Хуциева «Послесловие», снятый по вашему рассказу «Тестя приехал». Как складывались отношения с кинематографом?

— Своеобразно, я бы сказал. В 1963 году была экранизирована моя повесть «Держись, док!». И вот в прошлом году, спустя двадцать лет, мне позвонили с «Мосфильма» и предложили экранизацию рассказа «Тестя приехал». Я, конечно, обрадовался и стал ждать дальнейших событий. Но ничего не последовало. И вдруг сравнительно недавно опять звонок, опять с «Мосфильма». «Вы хотите, чтобы вашего «Тестя» экранизировал Марлен Мартынович Хуциев?» — спросили меня. «Хочу», — ответил я. — Но, по-мо-

встреча с Хуциевым, на которой пришлось сознаться, что сценариев писать не умею, вмешиваться в замыслы режиссера поэтому не буду и на «Мосфильме» побываю, только чтобы посмотреть, как делается кино. «Ну что ж, меня это очень устраивает», — сказал Хуциев. — Впервые вижу литератора, который не мешает режиссеру».

А через какое-то время меня пригласили на просмотр. То, что я увидел на экране, потрясло меня. Это был тот редкий случай, когда фильм оказался сильнее литературного произведения. Хуциев убрал в фильме второй план рассказа (родственников, их отношения) и выдвинул вперед фигуру тестя. Не знаю, кто бы еще, как Ростислав Янович Плятт, смог так блестяще сыграть роль старого провинциального врача, человека больного, чувствующего свой конец и приехавшего поправить с дочерью, укатившей в турне по Средней Азии. Плятт заставил зрителя проникнуть в душевный мир старого доктора, сопереживать с ним.

Финальная сцена, которой

дая гвардия» вышел ваш четвертый сборник рассказов и повестей «К оружию, эскулапы!» О чем он?

— О море и медицине, о себе и друзьях. Там я рассказываю, что писательство среди военно-морских врачей — явление довольно частое. Можно заподозрить некий таинственный вирус писательства, циркулирующий среди слушателей академии. Что-то вроде вируса болезни куру, поражающего в основном абorigенов на Новой Гвинее. Возьмем хотя бы моих современников — военных медиков и писателей С. Ботвинника, А. Краснова, В. Белозерова, И. Кравченко, Л. Борича. А если заглянуть в историю, то и того больше. Наверное, есть этому объяснение. И морякам, и врачам приходится много писать: документация, отчеты, вахтенные журналы — всего не перечислишь. Писания эти требуют точности, лаконизма — поневоле будешь стараться. И неудивительно, что отдельные образцы этого «жанра» достигают высокой степени совершенства. Например, вахтенный журнал погибшей шхуны «Восток», которой коман-

Беседу вела
 И. ДЕМЬЯНKOBA